

В. А. Шефер

**ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ**

Анализируется взаимосвязь между процессами создания мысленной модели преступления и построения версии. Рассматриваются понятие и виды криминалистических моделей. Излагается авторская позиция по вопросу о соотношении криминалистической версии и криминалистической модели.

138

This article examines the correlation between the process of creating an ideal model of crime and the process of developing a lead. The definition and types of forensic models are considered. The article presents the author's perspective on the problem of comparison of the criminalistic version and criminalistic model.

Ключевые слова: криминалистическая версия, криминалистическая модель, метод моделирования.

Key words: criminalistic version, criminalistic model, modelling method.

В процессе расследования следователь использует различные формы мышления с целью определения направлений поиска новой доказательственной информации. Среди них особое место занимают криминалистическая версия и криминалистическая модель, использование которых тесно взаимосвязано. Поэтому думается, что вопрос об их соотношении имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Соотношению могут подлежать лишь явления, имеющие одинаковую природу. Криминалистическая версия представляет собой гипотезу, предположение, объясняющее установленные факты и формы связи между ними. Версия обладает идеальной, мысленной природой. В связи с этим необходимо обратиться к понятию криминалистической модели и классификации криминалистических моделей, чтобы определить их виды, пригодные для соотношения с версией.

Определение модели в общепhilosophическом смысле принадлежит советскому ученому В. А. Штоффу: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение даст нам новую информацию об этом объекте» [1, с. 97]. Ключевые принципы применения метода моделирования в научном познании состоят в следующем.

1. Существование двух систем — модель и прототип (оригинал), которые образуют замкнутую систему исследования.

2. Модель и прототип находятся в отношении сходства, а не тождества. Формы сходства — это физическое подобие, физическая аналогия, изоморфизм [1, с. 135]. Вследствие отношения сходства модель отражает и в определенной степени замещает прототип в процессе исследования.

3. Модель позволяет получить вероятное знание о прототипе благодаря производству мысленных экспериментов или эмпирических опытов. Перенос знания с модели на прототип происходит посредством логического вывода по аналогии, который имеет лишь вероятный характер.

Определение криминалистической модели неизбежно обрастает отраслевыми особенностями. Наиболее предпочтительным нам видится подобное определение, предложенное Т.С. Волчецкой: «Под используемой в криминалистике моделью мы понимаем искусственно созданную материальную или идеальную систему, воспроизводящую или заменяющую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения, а также ситуации и обстоятельства его совершения так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач» [2, с. 12].

Согласно данному определению, в науке выделяют два основных вида криминалистических моделей:

- материальные;
- мысленные (идеальные).

Материальные модели имеют вещественное выражение и предназначены для производства опытов. Они широко используются при производстве следственных, судебных и экспертных экспериментов.

Мысленные модели имеют идеальную природу. Они могут иметь частично материальное выражение вовне в виде схем, чертежей, графиков, однако не перестают быть мысленными, поскольку взаимодействие между внутренними элементами самой модели, а также между моделью и внешней средой, происходит в сознании исследователя при производстве мысленных экспериментов на основе известных законов внешнего мира и природы [1, с. 26].

Выделяют две основных разновидности мысленных моделей [2, с. 15]:

- образные (иконические, неформализованные), являющиеся по своей форме психическим образом, а в гносеологическом аспекте — одним из средств получения нового знания;
- образно-знаковые (символические, частично формализованные), представленные разного рода условными знаками (буквенными или графическими).

Очевидно, что криминалистическая версия может быть соотнесена только с мысленной моделью в силу схожести их природы.

Вопрос о соотношении версии и мысленной модели неоднократно освещался в научной литературе. Некоторые ученые отождествляют эти два понятия. Так, по мнению А.Н. Селиванова, «понятием модели охватывается также версия, используемая в процессе идентификации» [3, с. 110]. А.Р. Ратинов занимает несколько двойственную позицию по этому вопросу. С одной стороны, он отождествлял эти понятия, отмечая, что «версия... может рассматриваться как идеальная информационно-логическая модель» [4, с. 128]. При этом исследователь одновременно указывал: «Вероятностная модель является промежуточным звеном между логическим мышлением и объективной действительностью. Она действует в двух направлениях: во-первых, от действительности к объяснению (версии); во-вторых, от объяснения (версии) к действительности как указатель на недостающие знания, неустановленные факты, ненайденные следы...» [4, с. 129]. Думается, рассуждения А.Р. Ратинова верно отражают ход развития чувственно-образного и логического мышления следователя, но при таком подходе понятие модели становится более широким, чем понятие версии.

Г.А. Густов разграничивал понятия версии и мысленной модели: «Во-первых, версия по своему содержанию — это логическое представление о событии. Мысленная модель есть органическое и необходимое единство логического и чувственного, версия же — категория логическая. По своему содержанию модель богаче версии. Версия как категория логическая выражается с помощью обыденного языка. Модель же может выражаться как с помощью обыденного языка, так и с помощью схем, рисунков» [5, с. 15].

А.В. Дулов то отождествлял понятия «версия» и «вероятностная модель», утверждая, что «на время окончательной проверки сведений будет существовать несколько вероятностных моделей, версий, по-разному отражающих в общей схеме события определенную группу фактов», то разграничивал их, полагая, что «версии появляются тогда, когда возникает необходимость построения нескольких вероятностных моделей, отражающих достигнутый уровень сбора информации, логического исследования этой информации» [6, с. 72].

Противником отождествления версии и мысленной модели был И.М. Лузгин. По его мнению, «версия — один из важнейших, но не единственный элемент мысленной модели... в ретроспективной модели присутствуют не только гипотетические объяснения, но и другие логические элементы, а также мысленные образы. Версия... соединяет эти элементы. Наличие нескольких версий, по-разному объясняющих событие и его отдельные элементы, делает ретроспективную модель многосторонней...» [7, с. 80].

Т.С. Волчецкая также склоняется к мнению о разграничении версии и мысленной модели как разных форм мышления: «...версия строится на основе имеющихся в распоряжении следователя фактов о преступлении и лице, его совершившем, и является одним из средств познания. После своей проверки версия либо подтверждается, либо опровергается, но как версия больше не существует. Модель также строится с уче-

том имеющейся в распоряжении следователя информации, является средством познания, однако после ее проверки, после модельных экспериментов и исследования не исчезает, а, наоборот, дополняется новым знанием» [2, с. 25].

В вышеприведенной цитате содержится важное положение, получившее признание в криминалистической науке – криминалистическая модель рассматривается как накопитель информации [8, с. 30]. Иными словами, в рамках одной и той же мысленной модели может происходить поочередная проверка нескольких версий. Мысленная модель увеличивается в объеме даже в случае опровержения версии, поскольку отбрасывание не соответствующего действительности знания приводит к отшлифовыванию модели, ее пополнению новым знанием.

Думается, что соотношение между моделью и версией, а также взаимосвязь между мысленным моделированием и формированием версии целесообразно проиллюстрировать на примере из практики.

В Багратионовском районе Калининградской области 23 декабря 2011 г. из ручья под мостом около автотрассы был извлечен труп мужчины. По итогам внешнего осмотра судебным медиком труп пролежал в воде меньше суток. На голове трупа имелись следы воздействия твердыми тупыми предметами. Череп погибшего был раздроблен. На участке местности, который располагался несколькими метрами выше на самом мосту, следователь обнаружил несколько крупных камней, на поверхности которых имелись пятна бурого цвета, похожие на кровь. На одежде трупа также имелись следы волочения по земле. От места, где располагались камни на мосту, проглядывалась дорожка следов, которая свидетельствовала о перемещении предмета и уходила в сторону автотрассы [9].

Исходной информации было достаточно для того, чтобы приступить к мысленному моделированию. В процессе моделирования большая роль отводится фантазии следователя. Отметим, что уже на самой ранней стадии осмотра места происшествия в сознании следователя неизбежно возникают различные предположения и догадки, в данном случае, например, объясняющие наличие следов волочения на дороге, пятен бурого цвета на камнях. Такие предположения еще не могут называться версиями. Тем не менее эти предположения и догадки, увязывающие воедино наблюдаемые факты, значительно способствуют созданию мысленной модели.

Мысленная модель складывается из психических мысленных образов. В основе мысленного образа лежит представление, то есть наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, данный сознанию, сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется [10, с. 334]. В нашем случае моделирование состояло в мысленном воссоздании, проигрывании длящейся во времени ситуации, локализованной участком местности, на котором производился осмотр. Так, наличие следов волочения на грунтовой дорожке и на одежде трупа позволяло мысленно представить, как преступник тащил по земле тело мужчины в этом месте. Наблюдение на дорожке, пролегающей по

мосту, камней с наложениями бурого цвета позволяло наполнить мысленную модель дополнительным психическим образом. Следователь представил, что преступник, протаскив тело мужчины до моста, нанес ему несколько ударов камнем в область головы. Затем, чтобы окончательно реализовать свой умысел на лишение жизни, преступник сбросил тело мужчины с моста в воду.

Созданная мысленная картина криминальной ситуации представляла собой предполагаемое отражение наблюдаемой действительности. С другой стороны, события могли развиваться совершенно иначе. Так, следы бурого цвета на камнях и даже следы волочения на одежде трупа могли возникнуть не в связи с совершением преступления. Смерть мужчины могла быть следствием несчастного случая.

Тем временем нельзя упускать из виду, что в процессе мысленного моделирования следователь параллельно осуществил выдвигание общей криминалистической версии о сущности произошедшего события, в данном случае версии об убийстве. Вспомним слова А. Р. Ратинова о том, что модель действует в двух направлениях, в том числе в направлении от действительности к объяснению (версии) [4, с. 129].

Т. С. Волчецкой принадлежит справедливое утверждение: «...любое мысленное представление следователя далеко не всегда является мысленной моделью. В моделировании главное — процесс исследования, а точнее — процесс опосредованного получения нового знания» [2, с. 11]. Необходимо отметить, что под новым знанием, по всей видимости, понимается не достоверное, а вероятное знание, задающие направление для дальнейшего собирания информации, подкрепляющей созданную мысленную модель. Опосредованное получение нового знания при мысленном моделировании достигается с помощью мысленных экспериментов. Собственно, само создание мысленной модели и есть необходимая стадия перед производством мысленных экспериментов: «Из всех признаков мысленного эксперимента самым существенным является модель — построение ее, изучение, изменение и другие мысленные операции над ней» [1, с. 212]. Необходимым условием проведения мысленного эксперимента выступает сознательное и точное применение на всех стадиях объективных законов и использование фактов, установленных в науке, благодаря чему исключается абсолютный произвол, необоснованная фантазия [1, с. 212].

В нашем случае следователь представил, что, по всей видимости, преступник волок по земле тело мужчины, который к этому моменту находился уже в бессознательном состоянии. Судя по дорожке следов волочения, которая уходила в направлении автотрассы, следователь предположил, что преступник мог привезти свою будущую жертву в лес на автомобиле. В ходе мысленного эксперимента следователь представил, что если преступник привез погибшего в бессознательном состоянии на автомобиле сегодня, то на участке у съезда с автотрассы еще могли сохраниться свежие следы протекторов шин. Так произошла экстраполяция результатов мысленного эксперимента на реальную действительность. При этом параллельно в ходе мысленных экспериментов

произошло выведение из версии вероятного логического следствия. Действительно, при осмотре участка у съезда с автотрассы были обнаружены следы протекторов шин. Данный факт подкреплял как версию, так и укладывался в мысленную модель, однако мог быть и не связанным с наступившими последствиями.

Таким образом, мы видим, что мысленная модель — это совокупность взаимосвязанных идеальных психических образов. Напротив, криминалистическая версия представлена суждениями, которые по содержанию соответствуют данным идеальным психическим образам. В логике суждение — это мысль, в которой утверждается отсутствие или наличие каких-либо положений дел [10, с. 664]. Следовательно, в отличие от насыщенных по содержанию идеальных образов версия имеет более бедную, простую природу. Она может быть легко изложена как письменно, так и устно в форме повествовательного предложения.

С нашей точки зрения, мысленная модель и версия представляют собой разные, но взаимодополняющие формы мышления следователя. При этом версию следует рассматривать как логический каркас мысленной модели. Думается, данное утверждение не противоречит тому положению, что мысленная модель — это накопитель информации, в рамках которого могут поочередно проверяться и отбрасываться несколько версий. По нашему мнению, замена одной версии на другую будет означать замену логического каркаса мысленной модели. Но так как даже в случае опровержения версий размер мысленной модели увеличивается, то разница в объеме сосредоточенной информации между мысленной моделью и версией как ее логическим каркасом всегда будет возрастать в пользу мысленной модели.

Сформулируем основные выводы относительно соотношения криминалистической версии и криминалистической модели:

— криминалистическая версия пригодна для соотношения только с мысленными (идеальными) криминалистическими моделями;

— криминалистическая версия может рассматриваться как логический каркас мысленной модели преступного события;

— криминалистическая версия и мысленная модель преступного события имеют разную природу: версия — логическую, мысленная модель существует в форме психических, идеальных образов;

— мысленная модель представляет собой накопитель информации. В рамках одной и той же мысленной модели могут проверяться несколько версий. При этом в случае опровержения версия исчезает, а мысленная модель совершенствуется, отшлифовывается за счет отбрасывания не соответствующего действительности знания;

— мысленная модель и версия — разные, но взаимодополняющие формы мышления следователя. В частности, это проявляется в том значении, которое отводится модели в процессе формирования версий. Так, именно в процессе создания мысленной модели и проведения с ней мысленных экспериментов происходит как выдвижение версий, так и выведение из них логических следствий.

Список литературы

1. Штофф В. А. Моделирование и философия. М. ; Л., 1966.
2. Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997.
3. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: теоретические проблемы. М., 1978.
4. Рапинов А. Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие. М., 1967.
5. Густов Г. А. Моделирование в работе следователя. Архангельск, 1989.
6. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975.
7. Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981.
8. Мухачев А. А., Новгородцев В. Л. О соотношении криминалистической версии и криминалистической модели // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Калининград, 1995. Вып. 1.
9. Архив Следственного управления Следственного комитета по Калининградской области. Уголовное дело №023874/11.
10. Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3.

Об авторе

Валентин Александрович Шефер — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: valentinshefer@yandex.ru

About author

Valentin Shefer, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: valentinshefer@yandex.ru